

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИИ НА СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

THE IMPACT OF INFORMATION ON HUMAN CONSCIOUSNESS IN CONTEMPORARY SOCIO-CULTURAL REALITY

**O. Zhucova
V. Zhucov**

Summary. The work addresses the problem of human existence in the modern information society. It reveals approaches to the consideration of the relationship between society and a person and the consequences of the impact of information on a person. Special attention is paid to the problem of communication as one of the main parameters of the socio-cultural reality.

Keywords: information society, man, sociocultural area, culture, value, criticism.

Жукова Ольга Ивановна

Д.ф.н., профессор, Кемеровский государственный университет г. Кемерово

Жуков Владимир Дмитриевич

*К.ф.н., доцент, Кемеровский государственный медицинский университет
oizh@list.ru*

Аннотация. В работе затрагивается проблема существования человека в современном информационном обществе. Раскрываются подходы к рассмотрению взаимоотношений общества и человека и последствия воздействия информации на личность. Особое внимание уделяется проблеме коммуникации, как одного из главных параметров социокультурной реальности.

Ключевые слова: информационное общество, человек, социокультурная реальность, культура, ценности, критика.

В гуманитарном знании современное общество имеет различные характеристики и обозначения. Его называют постиндустриальным, надиндустриальным, электронным, программируемым, обществом риска, цивилизацией третьей волны, обществом пост-модерна. Безусловно, подобные имманентные характеристики вполне объективно отражают современный социум и то социокультурное пространство, в котором находится человек.[1] Но, как нам представляется, наиболее точным отражением социума является его обозначение в качестве информационного. Именно информация в ее различных формах (от примитивно-упрощенной до сложно — интеллектуальной) пронизывает все структуры социокультурного мира. В этом контексте, общество предстает как фабрика смыслов (З. Бауман) [2], и эти смыслы порождены информационным воздействием в сфере культуры.

Понимание роли информации в социуме и ее влияние на сознание человека по-разному осмысливается философским знанием. В этом контексте можно выделить две противоположные тенденции: толерантно-оптимистическую и критическую. Первая позиция, выражающая умеренный оптимизм (Ж. Лиотар, Ж. Деррида, П. Козловски)[3] подчеркивает, что значение информации не столько в том, что говорится, сколько в том, что может быть сказано и какие выводы из этого делает человек. Отсюда, информация предстает в качестве меры возможности выбора, что ведет к определенному освобождению человека. Человек все в большей степени на-

чинает воспринимать себя творцом своего субъективно индивидуального пространства. Происходит осознание того, что мир культуры, в котором бытийствует человек, является совокупностью образующих его случайных дискурсов и словарей. Поэтому вряд ли человек будет со стоицизмом и смирением воспринимать все, что происходит в его личной судьбе. Другое преимущество информационного общества заключается в осознании случайного и мифологического характера ведущих универсалистских ценностей, приводящих человека к принятию своей личной ответственности за многие социокультурные реалии. Это в конечном итоге делает личность более критичной, внимательной, объективной к различного рода культурным процессам, с которыми она сталкивается.

В свое время К. Ясперс [4], анализируя причины современной ему социально-политической ситуации приведшей к тоталитаризму, одну из главных причин усматривал в некритическом отношении к идее прогресса, выражающейся в убежденности людей в правильности, логичности информации, преподносимой как самоочевидная и объективная истина. Данная идеологема основывалась на признании неизбежности движения по восходящей линии и, как следствие, приводила к своеобразному снятию с человека ответственности за социальные изменения.

Сторонники этого подхода полагают, что признание человеком релятивности и исторической изменчиво-

сти различных ценностных параметров, во многом детерминированные информационными воздействиями, делают человека более ответственным за свое социальное бытие, заставляют его осознать свое личное, социальное деятельное соучастие в качестве логичного и необходимого.

Достаточно критическую позицию в отношении информационного воздействия на личность высказывают многие современные мыслители: З. Бауман, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, Ю. Хабермас [5] и др. Ими отмечается, что обратной стороной беспредельной открытости и многоплановости информационного культурного поля, является отсутствие каких-либо элементарных границ, которое приводит к вседозволенности и нарушению личностно-свободного пространства, отсутствию какого-либо твердого основания для мировоззрения человека в нынешних условиях. Признание информационной реальности в качестве разветвленной, многомерной, безграничной, не может не вселять чувство потерянности и смятения перед лицом нескончаемого культурного релятивизма. Безмерные потоки информации, с которыми сталкивается человек в самых разных реалиях своего бытия, порождают в его сознании потерю смыслового основания, интеллектуальный диссонанс, не позволяющий разграничивать «подлинное» от «неподлинного», «фельетонную культуру» от «аутентичной культуры».

Как мы видим, влияние информации на личность исследуется многими теоретиками. К числу таких мыслителей, не потерявших свою актуальность, можно отнести и Э. Фромма, который в своих текстах («Бегство от свободы», «Здоровое общество», «Иметь ли быть» и др.) показывает зависимость человека от информационных установок общества и тех «иллюзий индивидуальности», которые представляются ему как естественно-личностными, а на самом деле являются детерминированными социокультурными предпочтениями и различными способами навязываемыми индивиду.

Фромм обосновывает следующую мысль: фактически любая сфера культуры пронизана информационным воздействием. Так, например, в рекламе, подчеркивает мыслитель, методы, которые в ней используются, в основе своей иррациональны, они не имеют ничего общего с подлинной сущностью предметов, «они усыпляют и убивают критические способности покупателя, как опиум или прямой гипноз... По сути дела, эти методы усыпления способности к критическому мышлению гораздо опаснее для нашей демократии, чем открытые нападки на нее; в смысле же воздействия на человеческую личность они гораздо безнравственнее непристойной литературы, издание которой наказуемо» [6. с. 114]

Все сказанное, по мнению Э. Фромма, имеет отношение не только к сфере обыденно-практической культуры, но и к культуре политической. Методы информационного воздействия, используемые в политической сфере, усиливают чувство ничтожности избирателя, так же как методы рекламы воздействуют на потенциального покупателя. Повторение лозунгов, акцентирование таких факторов, которые не являются существенными, — все это притупляет и нивелирует критические способности. «Ясное и рациональное обращение к его мышлению — это скорее исключение, нежели правило в политической пропаганде, даже в демократических странах. Сталкиваясь с размерами и мощью партий в том виде, как это изображено в их политической пропаганде, отдельный избиратель не может не чувствовать себя крошечным и ничего не значащим» [6. С.115]

Подобную критическую оценку информационного воздействия на человека мы встречаем и в работе более близкого по времени нам мыслителя Д. Соммера «Мораль XXI века» [7] Здесь культурное бытие рассматривается как источник дезинформации, переворачивающий сам смысл объективного понимания реальности. В книге автор показывает, что общество, в котором информация подменяется дезинформацией, превращает людей в примитивных ограниченных индивидов, а не культурных людей. Мышление человека все более запутывается и затуманивается, вместо того, чтобы просветляться. Мозг людей получает различные антиномичные послания, которые усиливают состояние деструктивности и не дают возможности объективно, непредвзято оценить тот или иной объект. Различные информационные структуры борются за сознание людей, и человеку ничего не остается, кроме как ментально принадлежать тому или иному продукту, идеологии, политической партии, но никогда не принадлежать самому себе.

Результат подобного воздействия оказывается амбивалентным: с одной стороны, налицо скептицизм и цинизм в отношении всего, с чем сталкивается индивид, с другой — наивное доверие ко всему, что говорится и предлагается. Подобное сочетание цинизма и наивности весьма типично для современного человека, результатом которого становится боязнь собственного мышления, ответственных самостоятельных решений и привычка скорее быть ведомым, чем самому вести.

На подобную тенденцию, происходящую с человеком в обществе, обращали внимание многие мыслители прошлого. С. Киркегор [8] описывал индивида, потерявшего самого себя, раздираемого мучительными сомнениями, находящегося в состоянии чувства потерянности и одиночества. Ф. Ницше наглядно показал приближающийся нигилизм, который поглотит европейское самосознание и станет нормой поведения человека [9]. Тема потеря-

ности и бессилия человека найдет свое воплощение в творчестве Ф. Кафки.

Анализируя воздействия информации на сознание человека, мы видим, что для человека, который получает информацию со всех сторон, все становится проблематичным и в то же время совершенно безразличным. Информация переполняет мышление, создавая принципиальную угрозу человеческому существованию. В этом контексте у человека должна была выработаться привычка в результате длительного многолетнего опыта уметь «работать» с поступающей для него информацией, сохраняя при этом свою психосоматическую целостность, не впадая в духовную дезориентацию. Это предполагало умение перманентного чередования главного и второстепенного, непрерывного изменения значимости сообщений, которые первоначально требуют максимальной сосредоточенности, а уже в следующий момент утрачивают свою актуальность и перестают быть объектом первоначального интереса. Причины подобного безудержного тяготения к информации, видятся в том (П. Слотердайт [10], У. Эко [11], и др.; и нам их позиция представляется наиболее близкой), что с начала Нового времени цивилизация оказалась в плену отношения к новостной информации. Эпоха Просвещения все больше и больше желала превратить мир культуры в полностью зависимый от новостей и информационных справок. И подобное осуществлялось с помощью двух взаимодополняющих феноменов — энциклопедии и газеты, позволяющих удовлетворить любознательность жадных до познания и до действительности индивидов. В конечном итоге, в процессе накопления разнопорядковых знаний, который длился не одно столетие, цивилизация была направлена вектором информационного потока, который сначала в XIX веке, а окончательно в XX, с безраздельным господством средств массовой информации, превращается в неуправляемое течение, которое быстрее начинает нести человека, чем человек управляет им.

Как нам представляется, один из важных параметров, характеризующий и обозначающий сущность информационной сферы, раскрывает себя в проблеме коммуникации. Тотальное вторжение коммуникационных средств в жизнь человека и безграничное приближение к нему всех социокультурных событий самыми различными средствами коммуникационного воздействия (от телевидения до различных вариантов, предлагаемых интернет-пространством) приводит к утрате человеком своих индивидуальных качеств. То, что Бодрийар [12] расценивал, как утрату человеком способности воплощать свои личностные качества. Мы считаем, что вследствие бесконечного приближения средств коммуникации к отдельному человеку разрушается тайна, глубина его личной жизни, все выносится на поверхность,

приводя к полной прозрачности действующих лиц, в конечном счете, делая их «бестелесными». Все это лишает социальную жизнь параметра личностного выражения, проявления, при котором человек теряет выразительную способность, неповторимую индивидуальность и становится лишь передатчиком непрерывного потока информации, а в итоге приводит к опошлению, упрощению социокультурного бытия, в котором нет больше тайны коммуникационного выражения и проявления.

Обозначенная проблема не является новой для современного общества. У нее, так сказать, долгие, исторические социокультурные корни. Вот уже более столетия она варьируется в своих формах бытия и видения. Поэтому, для того, чтобы понять ее своеобразие, стоит обратиться к генезису проблемы, поскольку ее нынешняя актуальность напрямую связана с ее глобальными социокультурными установками.

Нам думается, что проблема социальной коммуникации в России, в Европе и в международных отношениях уже оформилась к середине двадцатого века. Не случайно она оказалась в центре внимания самых различных представителей духовной культуры. О ней заговорили в философии (например, в русской, как мы полагаем, чрезвычайно ярко о ней, с оттенком болезненности высказался Л. Шестов [13], когда говорил «о распаде связи времен» еще в своей «Философии трагедии»), в области сначала психологии, а затем и в философии (здесь имеется ввиду К. Ясперс с идеей коммуникации), в области художественной литературы (Ф. Кафка, Ю. Борген), в кинематографе (Ф. Феллини). Вариативный список можно было бы продолжать и далее. Уже сама полифоничность сфер осознания проблем коммуникации говорит сама за себя. Здесь уже не важно, в какой компоненте духовной культуры это происходит. Важно то, что это происходит в той или иной степени, но происходит всюду. А происходит это всюду, потому что это происходит во всех клеточках социокультурного бытия человека, начиная с межличностных отношений, кончая глобальными межгосударственными связями.

В свое время Ф.М. Достоевский в романе «Идиот» [14] попытался выразить специфику этико-культурных связей человеческого общества, раскрывая основной смысл человеческого бытия через доминирование в личности стремления утвердить себя за счет другого. Утвердить любым образом: от морально-безобразного (Тоцкий и др.) — до убийства (Парфен Рогожин). Здесь не просто распадается «связь времен». Здесь распадается человеческая коммуникация, основанная на природных и нравственных связях. Обособленные эгоистические индивиды видят смысл жизни в доминировании только своего личностного бытия, когда бытие другого становится лишь средством для достижения этих целей.

Налицо картина перевернувшегося общества. Картина, где человеческая норма (князь Мышкин) представляется сумасшествием, патологией, а реальная практическая патология — духовной нормой. По сути дела, в конце уже позапрошлого века русский писатель раскрыл модель общества с поломавшейся, изувеченной человеческой коммуникацией.

Здесь следует отметить, что совсем скоро после выхода «Идиота» в свет начинается уже на исторической арене человечества свершаться нечто подобное: не только отдельные личности будут утверждать себя за счет других, а целые народы, государства будут стремиться господствовать за счет других народов и государств. Например, Германия, которая для немцев будет «превыше всего». В этой связи, сегодняшний государственный эгоизм вообще воспринимается как нечто априори присущее любому современному социуму: современная политическая коммуникация фактически превратилась в игру государственных, эгоистических интересов (США сегодня).

В этом контексте нынешняя философическая конструкция не является совершенно новой. Но она заостряет внимание на сложностях выбора интеллектуально нравственной позиции личности в море полифонизма текущей информации. И в этом ее значимость. Здесь вполне возможно задаться вопросом: «Информационное общество усиливает упомянутые отрицательные тенденции сложившейся коммуникации или противо-

стоит им?» Как нам представляется, онтологическая специфика коммуникации в информационном обществе неизменно порождает антиномичные противоречия. С одной стороны, коммуникация охватывает всю сферу практической деятельности человека в мире социума, в том смысле, что сама практика — это глобальная коммуникация, учреждающая пространство культуры и, стало быть, общественные отношения. Именно человек осваивает мир, именно благодаря ему мир реальности превращается в мир культуры. Свободный доступ к колоссальным объемам информации расширяет возможности его интеллекта, сферы познания, облегчая получение необходимой гносеологической информации, получение которой ранее предполагало значительные временные и пространственные затраты. С другой стороны, постепенно разрушаются традиционные связи, непосредственно личностные взаимоотношения индивида с другими людьми значительно уменьшаются, а увеличиваются контакты виртуальной, формальной коммуникации, в процессе которой человек обезличивается и теряет свою неповторимую индивидуальность, становясь мозаичным, файловым индивидом. Соответственно, определяющей проблемой информационного общества становится поиск нового способа взаимодействия личностного и социального в процессе коммуникации. Современное информационное общество еще находится в стадии своего развития и становления, поэтому процесс поиска новых смыслов и новых идеальных конструкций так же находится в процессе становления и определения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жукова О. И. Современное общество и место в нем человека. / О. И. Жукова // Вестник Томского государственного университета. № 300(1) 2007 — с. 47–53.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман — М.: Логос, 2002. — 390 с.
3. Козловски П. Культура постмодерна / П. Козловски; пер с нем. — М.: Республика 1997. — 240 с.
4. Ясперс К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс // Смысл и назначение истории; пер. с нем. — М.: Политиздат 1991. С. 288–420
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г.). — М.: Наука, 1992. — 176 с.
6. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм — М.: Прогресс, с 269
7. Соммер Дарио Салас. Мораль XXI века / Дарио Салас Соммер — М.: Научная книга 2007 с 442
8. Киркегор С. Страх и трепет. / С. Киркегор — М.: Республика, 1993 с. 383
9. Ницше Ф. Собр. Соч. в 2 т. Т. 1. / Ф. Ницше; пер. С нем.-М.: Мысль, 1990 — с. 735
10. Слотердайк П. Критика цинического разума / П. Слотердайк; пер. с нем — Екатеринбург: У-Фактория, М.:2008. — с. 796
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Э. Эко — ТОО ТК «Петрополис», 1998. — с. 432
12. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр — М.: Рудомино, 1995. — с. 172
13. Шестов Л. Достоевский и Ницше (философия трагедии) / Л. Шестов — М.: Париж- «ИМКА-ПРЕСС». с. 245
14. Достоевский Ф. Полное собр. соч. В 30 т. Т. 8 / Ф. Достоевский — Ленинград «Наука» 1973 с. 509